

ДРУГ-МОЙ-ВРАГ

ЛИЗ НЬЮДЖЕНТ

**РАЗОБЛАЧЕНИЕ
ОЛИВЕРА
РАЙАНА**

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(417)
ББК 84(4Ирл)-44
Н92

Liz Nugent
UNRAVELING OLIVER
Copyright © Liz Nugent, 2014
All rights reserved

*Настоящее издание выходит с разрешения
Marianne Gunn O'Connor Literary, Film & TV Agency
и The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Михаила Шараева
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Ньюджент Л.

Н92 Разоблачение Оливера Райана : роман / Лиз Ньюджент ; пер. с англ. М. Шараева. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 288 с. — (Друг-Мой-Враг).

ISBN 978-5-389-27438-9

Оливер Райан — красивый, успешный, харизматичный мужчина. Он — известный детский писатель, а его жена Элис — книжный иллюстратор. Практически идеальная пара. Но однажды вечером в их семье происходит трагедия: жестокий, неожиданный всплеск агрессии со стороны мужа приводит Элис к коме... По мере того как мы погружаемся в воспоминания главных героев, их знакомых и соседей, на поверхность всплывают неизвестные подробности жизни Оливера. Слои за слоями с его образа слетает внешняя шелуха, и перед нами предстает чудовище, в душе которого живут лишь зависть, обман и презрение к людям. Что это — результат детской травмы или попытка вытеснить вину за преступление, совершенное почти сорок лет назад?

УДК 821.111(417)
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-27438-9

© М. Г. Шараев, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

1. Оливер

Ударив ее впервые, я ожидал большей реакции. Она же просто лежала на полу, держась за подбородок. И молча глядела на меня. Казалось, она даже не удивлена.

Зато удивлен был я. Мне вовсе не хотелось делать ничего подобного. Это как-то в стилистике пятидесятых: пьяный муж возвращается из паба к опостылевшей жене и обнаруживает, что ужин не готов. А это было 12 ноября 2011 года, в промозглый субботний вечер на южной стороне Дублин-авеню. Элис приготовила вкуснейшую еду: тушеную ягнятину с кускусом, питой и мятным йогуртом. И хотя поданная на стол ягнятина уже подостыла, в этом некого было винить. Пока Элис нарезала земляничный рулет на десерт, я запил ужин двумя бокалами сансерра. Я точно не был пьян.

Но вот теперь она лежит, скрюченная, как знак вопроса; нижняя часть ее тела почти скрыта под нашим обеденным столом цвета красного дерева, руки прижаты к голове. И как только она умудрилась свалиться в такой позе? Наверное, в моем сжатом кулаке скрыта немалая сила. А если бы у меня в руке был бокал, сообразил бы я поставить его на стол

перед тем, как ударить? Или так и врезал бы ей? Разбил о ее бледное лицо? Изуродовал бы на всю жизнь шрамами?

В голову приходит фраза «обстоятельства, вышедшие из-под нашего контроля». Я подчеркиваю «нашего», потому что, хотя, конечно, зря это сделал, но и ей тоже не нужно было меня провоцировать.

Зазвонил телефон. Может, и не стоило обращать на него внимания, но это могло быть важно.

— Алло?

— Оливер. Это Мойя. Как дела?

Терпеть не могу риторических вопросов. «Как дела?», ну надо же.

Извини, Мойя, я только что ударил Элис по лицу, и она лежит на полу. Но сначала мы отлично поужинали.

Конечно, я не сказал этого, а сделал неуклюжую попытку попроситься под надуманным предлогом. И надеялся на окончание разговора.

Мгновение тишины, а затем:

— А ты не хочешь узнать, как у меня дела? И где я нахожусь?

Я ответил кратко и по существу:

— Нет.

Вновь тишина. И затем шепотом:

— Ну ладно, хорошо, а Элис там?

Уйди, глупая надоедливая женщина.

Этого я тоже не стал говорить. Сказал, что сейчас не самое подходящее время. Она попыталась вовлечь меня в разговор, таратора о своей новой

жизни во Франции. Сквозь ее трескотню я почувствовал, что она хочет, чтобы я ей завидовал. Чертова Мойя. И закончил разговор вежливо, но непреклонно. Подумал, что правильно было бы уйти из дома немедленно. Не насовсем, ну, вы понимаете.

Наверное, Элис скорее встанет, если я перестану стоять над ней. Я пошел за своим пальто, висевшим на вешалке в прихожей. Застегнуть пуговицы оказалось занятием непростым. Руки внезапно стали слишком большими для моих перчаток.

Через два с лишним часа я приканчивал третий бренди в «Нэше». Нервно застегивал и расстегивал пуговицы на рукавах. Это у меня еще со школы привычка, всегда так делаю, когда расстроен. Даже Джон-Джо, наливая мне, поинтересовался, всё ли у меня в порядке. Обычно же я не пью бренди. Но тогда был, знаете ли, в состоянии шока. И вот теперь пьян. Я хотел позвонить Элис и узнать, всё ли у нее в порядке, но забыл телефон дома и подумал, что, если у кого-то попрошу мобильный, это придаст ситуации больше значения, чем она того заслуживает. Поймите меня правильно, я знал, что всё очень серьезно. Что произошло что-то не то. Что она не должна была оказаться там, на полу.

Знаю, я не самый легкий в общении человек. Элис говорила мне об этом. Например, у меня нет друзей. Когда-то давно были, но из этого ничего не вышло. Все разбежались кто куда, но я и не пытался

их удержать — сознательно, как мне кажется. Друзья — это такие люди, которые напоминают о твоих неудачах. У меня есть несколько знакомых. У меня и семьи-то нет, о которой можно говорить. В самом важном смысле этого понятия.

Все эти годы Элис не пробовала совать нос в мои дела и проявлять излишнее любопытство. Думаю, можно охарактеризовать ее как женщину весьма послушную, редко выказывающую строптивость. А я никогда не проявлял и не проявляю склонности к насилию.

Я подошел к барной стойке и купил пачку сигарет. Крепких. Мне не нравилось, что руки всё еще дрожат. Считается ведь, что бренди должен помогать в таких случаях? Или это бабушкины сказки? Ох уж эти бабушки...

Выйдя из пивного садика (двора с полунавесом у входа), я прикурил первую за много лет сигарету. Из бара показался Барни Дуайер, наш сосед по Виллам, и подошел ко мне. Барни проводил больше времени в пивном саду, чем внутри бара.

— А я думал, ты завязал? — спросил он.

— Так и есть.

— Иису-у-усе, — протянул он чванливо, посасывая свой «ротманс». — Им меня не сломать.

Ну, сейчас начнется. Барни кичился тем, что его зависимости уже сорок лет. Когда были введены запреты на курение, большинство из нас постарались бросить. С гордостью сообщаю, что был первым, кому это удалось. Про меня говорили, что я «чело-

век со стальной волей». Барни же решил, что напрягаться не стоит. Но даже если бы этот балбес не курил вообще, то начал бы в день, когда был объявлен запрет. В нем сидит настоящий бес противоречия. Худая башка, большие уши.

— С возвращением, — ухмыльнулся он.

— С каким еще *возвращением*? Просто решил выкурить одну. Паршивый выдался денёк.

— Иису-у-усе, Оливер, так не бывает! Ты снова куришь сиги. Признайся уж.

Я бросил окурочек на землю. Наступил на него. Кинул пачку с девятнадцатью сигаретами Барни.

— Оставь себе, — сказал я. — Давай, травись на здоровье.

В конце концов моя жена смогла пробудить во мне самое худшее. Это было так неожиданно. Я ведь по-своему гордился ей. Например, после всех кулинарных курсов, которые мне удалось заставить ее окончить, она прекрасно готовила. К тому же Элис была весьма искусна в постели, что довольно мило с ее стороны. Как ужасно грустно думать об этом сейчас, учитывая ее нынешнее состояние.

Мы познакомились в 1982-м на презентации какого-то издания, которое она иллюстрировала. Мой агент хотел, чтобы я встретился с ней по поводу картинок для моей детской книги, которую он пытался пристроить какому-нибудь издателю. Поначалу я иллюстраций не хотел вообще. Они же будут отвлекать от текста, думалось мне тогда, но, должен

признать, агент оказался прав. Рисунки придали книге продажный вид. Нас представили друг другу, и мне нравится думать, что между нами возникло... что-то такое. Искра — не совсем подходящее слово, но — нечто вроде взаимопонимания, если можно так выразиться. Некоторые люди называют это любовью с первого взгляда. Но я не так наивен.

Оба мы уже вышли из возраста первого цветения юности. Нам было, кажется, под тридцать. Но она была прелестна в своей мягкости. Мне нравилось ее спокойствие и то, что она почти ничего не требовала от меня. Она принимала как должное внимание, которое я ей оказывал, а затем безропотно отходила на задний план, когда ее присутствие не было необходимо.

Свадьба состоялась очень быстро. Смысла тянуть не было. Ее хрупкая мать и братец-идиот стояли за нами у алтаря. И никого с моей стороны, конечно. Нам не хотелось связываться с отелом. Мы устроили шумный ужин в центре города, в ресторане, принадлежащем моему старому приятелю по колледжу Майклу. Барни тоже был там. Тогда он еще мне немного нравился. На свадьбе он вел себя эмоциональней других. В чем, полагаю, его трудно винить.

Мы сняли на несколько лет просторные апартаменты на Мэррион-сквер. Я настоял на большой квартире, потому что мне нужно уединение, чтобы писать. Я могу работать только за закрытыми дверьми.

Хорошее времечко было. Мы заработали немного денег тогда, когда никому это не удавалось. Финансовую ситуацию значительно улучшило то, что плоды нашей работы скоро начали превращаться в довольно популярную серию. Днем мы расходились по разным углам и работали. Я писал свои книги. Она умело подбирала картинки к моим словам. У нее это тоже неплохо получалось. Ее работа подчеркивала достоинства моей.

Я стал довольно известен как критик, изредка появлялся на телевизионных шоу и периодически писал статьи для воскресных газет. В те времена люди были как-то более сдержанны в бахвальстве своими успехами. Не то что сейчас — я уже со счета сбился, сколько раз за прошедшие десять лет меня звали участвовать во всяких реалити-шоу. Боже упаси!

Элис же избегала всего этого, что меня полностью устраивало. Ей не нравилось быть в центре внимания, и она всегда недооценивала свой вклад в успех моих книг, настаивая на том, что писательская работа важнее, а она просто иллюстратор. Она была очень скромной и вообще не хотела, когда ее пытались «вытащить на телевидение», чтобы стало известно, что мы работаем семейной командой. Довольно мило с ее стороны, потому что это значило, что я могу продолжать жить, сохраняя видимость неженатого человека. В этом есть свои преимущества. Искренне считаю, что ее помощь была неоценима.

В 1986-м, в конце четвертого года нашего брака, у Элис внезапно умерла мама. Ну и слава богу. Терпеть не могу стариков. И сейчас, когда я и сам превратился в одного из них, не люблю их еще сильнее.

Я всегда находил разные предлоги, чтобы не ходить в гости к ней в этот дом с покрытой кружевами мебелью. Делал вид, что слишком занят, чтобы не садиться вместе с ними за стол, когда она приходила в гости. Мне никогда не доставляло удовольствия наблюдать, как она возится со своими зубными протезами, а этот ее идиот истекает слюнями рядом. Ее смерть была, с одной стороны, благословением, потому что мы получили дом. А с другой — несчастьем, потому что к дому прилагался придурочный братец Элис. Дом на Пембрук-авеню довольно внушительный. Братца зовут Юджин.

Элис умоляла меня разрешить оставить его у нас. И это стало на тот момент самой большой размолвкой в нашем браке. Завести ребенка — достаточно ужасно само по себе, но тут речь шла о здоровенном двадцатисемилетнем стокилограммовом остолопе. В конце концов я пристроил его в дом для умственно отсталых, или людей «с особыми потребностями», как это сейчас модно называть, и это обошлось мне недешево.

Когда мы с Элис обручились, я достаточно ясно дал понять, что о детях не может быть и речи. Прямо так и сказал, а она согласилась. Эх, почему я не потребовал подтверждения в письменном виде? Видимо, она была по уши влюблена, раз пожертвова-

ла чем-то настолько для нее важным, чтобы выйти за меня замуж.

Может, Элис надеялась, что я передумаю, потому что, кажется, со многими мужчинами такое происходит. Или чувствовала, что если она сейчас не свяжет меня узами брака, то я женюсь на первой тихоне, которая встретится на моем пути.

Конечно, через пять лет совместной жизни Элис начала хныкать, и с каждым месяцем всё надоедливей. Я напомнил ей о нашем соглашении. Она заявила, что тогда она была с этим согласна, а вот теперь отчаянно хочет ребенка. Но я не тот человек, который не держит своего слова.

Поскольку мне нельзя было больше полагаться на то, что она должным образом предохраняется, пришлось взять это на себя. Я придумал ритуал ежевечернего какао в постель, с предварительно накрошенной в него таблеточкой. Элис это казалось очень романтичным.

Конечно, я не был святым. Женщины, откровенно говоря, проявляют ко мне интерес, и я не люблю их разочаровывать. Самые неожиданные типы женщин. Даже Мойя, боже ж ты мой! В конце концов мне приходится отшивать слишком прилипчивых.

В последнее время я начал удовлетворяться шлюхами, работающими у канала. Всегда неплохо к ним относился, еще до того, как стал пользоваться их услугами. Их было интересно изучать. Они были дешевле прочих и выглядели совершенно пропащими: в основном наркоманки с изуродованными те-

лами и вздутыми венами. Но они вполне удовлетворяли мои потребности. Прежде всего, я заставлял их принять душ и всегда давал им новую зубную щетку. Некоторые из них принимали ее за подарок. Жалкие существа. Обычно они были слишком измождены, чтобы казаться привлекательными. Возможно, им стоило бы прикладывать некоторые усилия к тому, чтобы выглядеть лучше. Увы, они продавали только свои отверстия; упаковка не имела значения. И всё же в них было нечто притягательное для меня. В конце концов, моя мать была одной из них, по словам отца.

Вернувшись в дом той ночью, когда Элис зашла слишком далеко, я долго возился с ключом в двери. Потом зашел в столовую. Слава богу, она больше не лежала на полу, а сидела на кухне с чашкой чая в руках. И в том, как жена смотрела на меня, не было никаких следов симпатии. Я заметил, что ее подбородок покраснел с правой стороны. Но синяка не было. Пока что. Я посмотрел на нее. Улыбнулся.

Деревянная шкатулка, в которой я хранил свои самые заветные секреты, стояла распахнутой на столе — крышка открыта, замок сломан, содержимое осквернено.

— Лжец! — сказала Элис срывающимся голосом.

Было очевидно, что она собирается уничтожить меня.

Когда я вновь ударил ее, то уже не мог остановиться. И по-настоящему сожалею об этом. Мне

приходилось держать себя под контролем с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать. Потому что потеря контроля означает поражение. Конечно, мне не разрешают посещать ее в больнице. Это очень глупо. Сейчас февраль две тысячи двенадцатого, так что прошло уже три месяца. В ее состоянии она даже не узнала бы о том, посещал я ее или нет.

Так что, получается, я все-таки склонен к насилию. И меня эта новость потрясла. Я прошел психиатрическую экспертизу. Решил рассказать им почти всё. Похоже, что в детстве я «испытывал горечь, обиду и разочарование». Ну надо же!

Что же подумают соседи? Что подумают все?

На самом деле, мне совершенно наплевать.

2. Барни

Элис О'Рейли жила на Авеню, а мы на Виллах. В нашем районе это имело огромное значение. Имеет и сейчас. Дома на Авеню вчетверо больше, и их задние дворы примыкают к нашим стенам. Виллы — это такое дурацкое название наших домов, будто мы живем за границей, греемся на солнышке на пляжах, начинающихся прямо за порогом, хотя на самом деле это всего лишь облицованные галькой муниципальные дома.

Пижоны (так мы их называли) с Авеню не очень-то общались с нами. Мы ходили в разные школы, тусовались в разных местах, но семья Элис отличалась от остальных. Они не были заносчивыми и не смотрели на нас свысока, как остальные на Авеню. Мою младшую сестренку Сьюзен приглашали к О'Рейли на чай, и мама хвасталась этим перед другими мамами.

Когда мы были мелкими, я на это особо не обращал внимания, но знал, что это, типа, важное событие, когда Элис приходит к нам в гости, потому что тогда мама заставляет нас чистить обувь. Честно говоря, меня это раздражало. Будто Элис приходила проверять нашу обувь. Она казалась тихой

и не то чтоб прямо красивой, по мне так нормальной такой, обычной.

Ее мать, Бреда, была сильно верующая, и Элис не разрешалось часто выходить из дома. Она никогда не бывала на танцах или местных праздниках, ни наших, ни в этих их пижонских теннисных клубах, о которых мне рассказывали. Может, из-за Юджина. Мне кажется, Юджин родился таким из-за возраста своей матери. Мама Элис была самой старой из всех матерей в нашем районе. Когда родилась Элис, ей уже было около сорока, а Юджин родился еще через пять лет. Пока он не подрос, мы ничего не замечали. Он научился ходить только около семи и говорил как-то странно. Думаю, может, из-за этого пижоны с Авеню не хотели дружить с О'Рейли — а то вдруг Юджин придет и обслюнявит им мебель. Точно не помню, когда помер его папа, но это было вскоре после рождения Юджина. Даже не помню, видел ли я его. Вроде бы он был каким-то чиновником. Какой-нибудь шишкой, типа. Кажется, в земельном кадастре, и неплохо зарабатывал, судя по всему.

Некоторые из наших чуваков дразнили Юджина и высмеивали его, но Элис всегда его защищала, и почему-то никому не хотелось огорчать ее. Она и сама была странной, такой застенчивой и воспитанной, прям и гусыне «кыш» не скажет. Много времени проводила, уткнувшись в книги. Мы думали, она окажется в монастыре. У них дома толпилось столько монашек, что мы решили, что ее ма-

ма собирается и дочку туда сдать. Сьюзен сказала, что у них дома полно картинок со святыми. В основном нарисованных Элис. Сьюзен несколько раз была там на обеде; она сказала, что Элис кормит Юджина с ложечки, как ребенка. Еда была ужасной, сказала она, все было переварено и слиплось в кашу. Мы удивились. Мы-то думали, у них на Авеню едят сэндвичи с огурцами на серебряных тарелках и всё такое. Теперь я думаю, что простая еда была у них из-за Юджина. Он терпеть не мог ничего непривычного, кроме разве что печенья или кремового торта, но такое, конечно, можно только на Рождество или в день рождения. Бреда, наверное, думала, что это, типа, великая католическая жертва, которую все они должны приносить. Я точно помню, что в тех редких случаях, когда Элис приходила обедать к нам, она съедала всё подчистую и всегда хвалила еду моей матери. Мама была в восторге.

Сьюзен и Элис были в одном классе, но в разных школах, так что иногда делали домашку вместе. Элис совершенно точно не была такой умной, как Сьюзен, по крайней мере, если судить по оценкам. Сьюзен считалась самой умной у нас в семье, хваталась передо мной своими пятерками и четверками. А Элис постоянно получала тройки. Пятерки и четверки у нее были только по рисованию. Мне вот сдается, это не потому, что ей не хватало мозгов. Просто времени не хватало делать домашку, потому что уход за Юджином отнимал всё время. У ее мамы был артрит, обострившийся с возрастом, но, думаю,

она поняла, что заставлять Элис ухаживать за Юджином всю жизнь несправедливо, поэтому предложила ей выбрать себе специальность в колледже. Когда Элис сообщила нам об этом, я был уверен, что больше мы ее особо не увидим. Никто у нас на Виллах не ходил в колледж. Мне было жаль Сьюзен, потому что она потеряет хорошую подругу.

Элис поразила всех нас, поступив в художественную академию. Я страшно удивился, что из всех мест она выбрала именно это. Мне кажется, ты либо умеешь рисовать, либо нет. Она сказала, что дело тут в «технике» и прочих штуках, но, по мне, она рисовала до академии так же хорошо, как и после. Сегодня почти все молодые люди носят цветные волосы и одеваются так, что не поймешь, парень это или девушка. Может, это теперь и называется модой, но в семидесятые только студенты художественных заведений таким увлекались. Некоторые из них вообще были вегетарианцами. Что уж тут добавить.

Я сказал, что она не протянет и недели, но, похоже, у нее там всё сложилось, потому что она проработала в этой академии три или четыре года. А еще я ошибся насчет того, что Элис исчезнет. Она всё так же жила дома из-за Юджина, и это Сьюзен, а не Элис охладела в дружбе, потому что начала встречаться с Дейвом.

С руками у Элис было всё в порядке. Я помню ту скульптурную штуквинку, которую она сделала на день рождения Сьюзен, — вроде керамической ста-

туэтки лебеда. Я тут же сказал ей, что это так круто, что запросто можно продать. Она улыбнулась мне.

Тогда я впервые понял, что она и близко не подойдет к монастырю. Эта ее улыбка была такой, немного вызывающей. Наверное, годы в художественном колледже вытряхнули из нее монашку. Хотя она по-прежнему одевалась очень скромно, и я не уверен, что в колледже у нее было много парней. И вообще кто-то был. Наверное, эти парни пугали ее своей наркотой и громкой музыкой.

Через несколько лет Сьюзен уехала за Дейвом в Лондон, устроилась на работу в больницу поварихой, в конце концов вышла замуж. И после этого больше не возвращалась сюда. Сейчас она всё еще там, замужем за Дейвом-Самоделкиным, мать четырех взрослых детей. Чизвик. Произносится: Чиизууик!

В то время я выучился на механика и работал в гараже моего дяди Гарри. У меня завелись кое-какие деньжата. Я снял квартиру в городе. Была у меня и машина. Классная тачка, «Форд-Гранада». Самое то, чтобы производить впечатление на девушек. Теперь, когда Сьюзен уехала, а я жил в городе, то редко встречал Элис. Изредка, приезжая навестить маму, видел ее, ведущую Юджина за руку в местный магазин. Мне казалось, они слишком возятся с ним. Может, он лучше научился бы заботиться о себе, если б его так не опекали.

Мама сказала, что у Элис была какая-то работа, типа картинки для календарей рисовать, что-то

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЛИЗ НЬЮДЖЕНТ
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ОЛИВЕРА РАЙАНА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 17.02.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 15,12. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Москва, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-FNM-36446-01-R